

Буренко Людмила Васильевна

ПАДЕЖНАЯ ФОРМА: СООТНОШЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ, ПРЕДЛОГОВ И ПОСЛЕЛОГОВ

В статье раскрывается содержание понятия "падежная форма". Автор акцентирует свое внимание на критическом анализе подходов к данному понятию. За основу принимается постулат о том, что языковая форма не безразлична к означаемой ею когнитивной структуре, в связи с чем форма должна рассматриваться как исходный пункт для реконструкции мысли, кодируемой ею.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 37-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Бочкарев А. И.** Транспозиция речевых актов как основа языковой игры (на примере рекламного ролика банка ВТБ 24) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 153-160.
2. **Бочкарев А. И.** Функционально-прагматические характеристики восклицания Да ладно // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. 1. С. 40-43.
3. **ВТБ 24: «Я тебя люблю»** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=OYTYRvag0XI> (дата обращения: 10.11.2014).
4. **Национальный корпус русского языка (НКРЯ)** [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.11.2014).
5. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / под ред. К. А. Тимофеева, Н. М. Меделец. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 10. 1774 с.
6. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / под ред. Л. И. Балахоновой, Л. А. Войновой. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 14. 1390 с.
7. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / под ред. Л. С. Ковтуна, В. П. Петушкова. М.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 17. 2126 с.
8. **Key M. R.** Male / Female Language. Metuchen: Scarecrow Press, 1975. 350 p.
9. **Lakoff R.** Language and woman's place // Language in Society. 1973. № 1. P. 45-80.
10. **Spender D.** Man Made Language. London: Routledge & Kegan Paul, 1980. 250 p.
11. **West C., Zimmerman D.** Doing Gender // Gender & Society. 1987. № 1. P. 125-151.

**ON SOME GENDER FEATURES OF INDIRECT COMMUNICATION
(BY THE EXAMPLE OF COMMERCIALS OF VTB 24)**

Bochkarev Arsentii Igorevich
Novosibirsk State Technical University
arsentiy_87@mail.ru

The article reveals the features of indirect communication, typical of woman's speech. So, on a superficial level uncertainty about future action is expressed, while on a deep level – confidence is expressed. Also, on a superficial level the markers of the future tense are used, and on a deep level – the past tense markers. In the women's speech the proposition "I love you" can perform the functions of gratitude, apology, and farewell. In addition, the five-step algorithm for a text analysis is proposed.

Key words and phrases: reduced speech acts; five-step algorithm for text analysis; communicative conditions of realization; superficial and deep meaning; lexical-semantic relations; logical-syntactical relations.

УДК 81-23

Филологические науки

В статье раскрывается содержание понятия «падежная форма». Автор акцентирует свое внимание на критическом анализе подходов к данному понятию. За основу принимается постулат о том, что языковая форма безразлична к означаемой ею когнитивной структуре, в связи с чем форма должна рассматриваться как исходный пункт для реконструкции мысли, кодируемой ею.

Ключевые слова и фразы: категория падежа; глубинные и поверхностные структуры; падежная форма; предлог; послелог.

Буренко Людмила Васильевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет
lburenko@yandex.ru

**ПАДЕЖНАЯ ФОРМА: СООТНОШЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ,
ПРЕДЛОГОВ И ПОСЛЕЛОГОВ©**

Вследствие своей неоднозначности категория падежа является предметом пристального внимания лингвистов, представителей различных школ и направлений.

Принципиальное различие падежных теорий предопределено разнонаправленным подходом при анализе категории падежа: , от формы к значению или , от значения к форме.

До недавнего времени существовало два подхода к изучению данной категории: так называемый , формальный подход и , семантический, или , функциональный подход. При выделении падежа с точки зрения , формального подхода учёные ориентируются на определённые внешние различия, соответствующие смысловым различиям хотя бы в части рассматриваемых случаев. Кроме того, существует так называемое , узкоформальное» понимание падежа [10, с. 53], которое требует, чтобы внешние различия между падежами выразались морфологическими средствами в пределах самой словоформы. В данном случае падеж представляет

собой категорию словоизменительную. С другой стороны, есть ряд языковедов [2, с. 355], считающих возможным выделять так называемые аналитические падежи. В этом случае падежными формами признаются сочетания имени с предлогом, послелогом, а также имена, стоящие в определённой синтаксической позиции.

Семантический, или функциональный подход, в отличие от формального, допускает существование двух разных падежей, которые могут внешне никак не различаться. В большинстве своём данный подход понимается как подход со стороны означаемого, содержания, или “назначения”, данной языковой единицы, с её внутренней стороны [4, с. 566].

Очевидно, направление анализа выбирается в зависимости от цели, которую ставит перед собой учёный, изучая категорию падежа в конкретном языке. Форма играет ведущую роль в том случае, когда необходимо выяснить, что есть в исследуемом языке специфического, отличающего его от других. Особенно если изучается язык со сравнительно богатой морфологией, такой как, например, русский язык. Вторая точка зрения – это точка зрения учёных, считающих, что центральное место в грамматике занимает не морфология, а синтаксис. Анализ от значения к форме предполагает поиск того общего, что есть в исследуемом языке сравнительно с другими. Этот подход выбирается чаще всего при изучении языков с очень бедной морфологией, например английского [7, с. 262-263].

Однако в последнее время в связи с поиском новых проблем, новых направлений и новых решений [11, с. 107] в грамматической науке появился комплексный подход, при котором каждая грамматическая единица рассматривается с точки зрения трёх компонентов: форма, значение, функция. Плодотворность данного подхода к изучению грамматических категорий (в том числе и категории падежа) отмечена в работах таких ученых, как А. В. Бондарко [1], С. Д. Кацнельсона [14], А. Е. Кибрика [16]. В одной из своих работ профессор Г. Т. Поленова пишет, что соотношение, значение, функция, форма, пришедшее на смену дихотомии форма/значение», примерно соответствует соотношению семантики, синтаксиса и морфологии [20, с. 172].

Рассматриваемый подход восходит к генеративной лингвистике (от ср.-лат. *generativus* – рождающий, порождающий), возникшей под влиянием идей Н. Хомского. Исходным типом генеративной лингвистики являются трансформационные порождающие грамматики, структура которых имеет три основных компонента: синтаксический, семантический и фонологический (последний применительно к данной работе соответствует форме). Основным компонентом является синтаксис, а семантика и фонология выполняют по отношению к нему интерпретирующие функции [15, с. 98-99]. Следует отметить, что порождающая грамматика неоднократно подвергалась критике [13, с. 142], и в первую очередь из-за того, что синтаксис понимается ею как чисто формальная сфера, регулирующая многофазовый процесс порождения предложения. Последовательно трансформирующиеся синтаксические структуры являются в таком понимании чистыми структурами, непосредственно лишёнными смыслового содержания. Однако именно в рамках порождающей грамматики была проведена дифференциация между поверхностными и глубинными структурами. Мы полагаем, что при изучении диахронии категории падежа обнаружение и описание падежных форм не является самоцелью, но, напротив, анализ поверхностного проявления категории падежа в языке помогает вскрыть глубинную структуру данной грамматической категории.

В рамках формального подхода остановимся на дискуссионности самого понятия формы. Термин форма обозначает внешнюю, наблюдаемую, связанную со слуховым или зрительным восприятием сторону языка [3, с. 557]. Обозначая материальные средства, служащие для передачи языковых значений вообще, форма противопоставляется плану содержания, семантике, смысловой стороне языка.

Понятие форма связано, прежде всего, с именем Ф. Ф. Фортунатова, ключевым грамматическим тезисом которого было утверждение: «Грамматика... есть учение о формах языка...» [19, с. 9]. Форма, по Ф. Ф. Фортунатову, неразрывно связана со специальным морфологическим показателем, а поэтому допускалось существование слов, не имеющих формы. Он выводил форму из наличия в языке соотносительных рядов форм, сходных и различающихся по формальным признакам. Таким образом, форма слова в понимании Ф. Ф. Фортунатова – это результат живых соотношений, сосуществующих в данном языке в данную эпоху [9, с. 317-318].

Рассматривая падеж прежде всего как категорию морфологическую, одни учёные являются сторонниками внешних различий между падежами, которые должны выражаться морфологическими средствами в пределах самих словоформ. Так, например, известно высказывание А. А. Реформатского, полагавшего, что о категории падежа в языке можно говорить только в том случае, если в нём есть хотя бы два противопоставленных падежа; если же такого противопоставления нет, а существует только одна форма, то в данном языке этой категории вообще нет [22, с. 250]. Другие языковеды, например С. Д. Кацнельсон, к грамматической форме относят наряду с разного рода флективными показателями и такие средства, как словоупорядок, словосложение или ударение, чередование форм [12, с. 121].

Даже такое понятие, как морфологические средства, может иметь более широкое толкование и не ограничиваться лишь флективными формами. А. М. Пешковский, размышляя на тему морфологических категорий, приводит в пример китайский язык, морфология которого признана крайне бедной, и отмечает, что, если к числу морфологических показателей отнести не только аффиксы, но и интонационно-мелодические моменты, и служебные слова, и словоупорядок, и словосложение и т.д., если морфологию понимать как учение о грамматических формах вообще, а не только как флективную морфологию, то китайский язык окажется отнюдь не бесформенным языком, а, наоборот, языком с чрезвычайно богатой и сложной морфологией, хотя и нефлективного типа...» [18, с. 114]. Однако подчеркнём в связи с этим, что на первый план в такого рода исследованиях всегда выступает язык, материал которого изучается, и именно он вносит свои коррективы во все

теоретические размышления учёных. Так, например, сам А. М. Пешковский, говоря о форме применительно к русскому языку, отмечает, что не следует интонацию и порядок слов по их роли в русском языке « ставить на одну доску с формами слов». При всей их важности, интонация и порядок слов остаются в большинстве случаев « только вспомогательными средствами», в то время как формы слов являются « основными» [Там же, с. 74].

Понятие « форм», на наш взгляд, непосредственно связано с вопросом о сочетании имени с предлогом или послелогом. Этот вопрос, как будет показано далее, также является достаточно дискуссионным.

Важным фактором, влияющим на понимание различными лингвистами падежной формы, как, собственно, и самого падежа, является цель лингвистического анализа. В том случае, когда исследование направлено на значение категории падежа, обнаруживается, что флексия и предлог находятся в одном и том же грамматическом отношении со словом, от которого они зависят. Например, академик В. В. Виноградов, размышляя об утрате некоторыми русскими предлогами своего лексического значения, писал о почти полном превращении их в « падежные префиксы». Наличие в современном русском языке предложного падежа также свидетельствует в пользу этого [6, с. 152].

Однако те учёные, для которых падежная форма – это обязательно флективная форма, рассматривают русский предложный падеж как словосочетание, каждая часть которого обладает своим собственным значением. Неоднократно предпринимались попытки показать « синтаксическую неадекватность» (т.е. неравноценность) флективного и аналитического способов передачи падежных значений. Основным возражением против отождествления предлога и флексии является то, что между предлогом и флексией можно вставить какие-либо слова. Например: *на берегу, на крутом берегу, на высоком крутом берегу*. Следовательно, предлог нельзя рассматривать как формальный элемент наряду с аффиксальной морфемой: между смыслонесущими и формальными элементами вставить ничего нельзя. Предлог, безусловно, обладает некоторой свободой по сравнению с аффиксом. Но, по мнению Е. Куриловича, « с функциональной точки зрения оба способа выражения находятся на одном уровне» [Цит. по: 7, с. 269].

Изучив различные мнения о соотношении падежа и предлога, мы склонны рассматривать понятие формы более широко, не ограничиваясь лишь флективными различиями. На недопустимость фетишизации флективной формы указывали ещё младограмматики, которые высказывались за принципиальную равноценность разных приёмов выражения грамматической мысли. В пользу более широкого взгляда на падежную форму говорит и тот факт, что не существует чисто флективных или агглютинативных языков. Каждый язык в своём грамматическом строе сочетает различные грамматические техники. Известно, что, по мнению В. В. Виноградова, современный русский язык относится к языкам переходного аналитико-синтетического строя, а « одни и те же отношения могут выражаться формами падежей беспредложно и с предлогами» [6, с. 144]. Более того, важной для понимания сущности категории падежа является, на наш взгляд, его мысль о том, что сочетания падежной формы, « переобременённой значениями», с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежной формы [Там же, с. 555], предлоги также конкретизируют значение падежной формы, что наиболее ярко представлено в многопадежных языках, например в табасаранском языке (до 46 членов в парадигме) [8, с. 51], который относится к нахско-дагестанской группе. Подтверждение мысли о соотносимости предлогов с падежной формой мы находим в « Русской грамматике – 80»: « Падеж с предлогом представляет собою целостную единицу значения: предлог вместе с падежной формой образует такое единство, которое своим синтаксическим поведением в предложении и характером своего значения в принципе не отличается от беспредложного падежа» [23, с. 476].

Важным аргументом в защиту излагаемой точки зрения мы считаем предположение, высказываемое некоторыми лингвистами, о том, что синтетические (флективные) формы связаны с так называемыми аналитическими формами (предлогами, послелогом и словоупотреблением) не только в функциональном смысле, но и генетически. Ведь, как справедливо отмечает О. П. Суник, « ни один из падежных суффиксов-окончаний не возник и не мог возникнуть как изначально падежный – один или путём слияния двух или нескольких уже “готовых” падежных показателей» [24, с. 151]. Вопрос этот непосредственно связан с процессом становления и развития падежных форм из непдежных (словообразовательных суффиксов, некоторых служебных слов).

Сказанное в равной мере касается и вопроса соотношения падежа и послелога. В языках, в которых отмечается наличие послелогов (например, енисейские языки, коми), исследователи обращают внимание на трудность их отграничения от падежных показателей. Проблема заключается в том, что послелог и падежные показатели выполняют равнозначные функции, т.е. выражают отношения между словами в словосочетаниях и предложениях. Так, например, в кетском языке причинные отношения выражаются как с помощью послелога, так и падежного показателя исходного падежа [5, с. 210].

Сходство падежных показателей и послелогов подтверждается генетически. На материале енисейских языков мы доказали тот факт, что послелог произошёл от имён [Там же, с. 211]. На это также указывают учёные, исследовавшие другие языки. Так, например, Н. М. Терещенко, изучавший самодийские языки, писал: « ... послелог восходит генетически к падежным формам имён, причем в некоторых из них сохраняется показатель множественного числа, а также лично-притяжательные форманты и др.» [26, с. 293].

С другой стороны, известно предположение, что большинство падежных показателей также генетически восходит к именам. На происхождение падежных показателей от знаменательных слов указывает О. П. Суник: « История возникновения форм склонения, в частности история падежных суффиксов тунгусо-маньчжурских имён, схематически такова: знаменательное (“корневое”) слово > служебное слово > послелог > суффикс (сначала только словообразующий, а затем и словоизменяющий)» [25, с. 158].

Однако также убедительной, на наш взгляд, является мысль о том, что падежные формы представляют собой аналитическое слияние знаменательного слова с дейктической частицей (или , партикулой) в понимании Т. М. Николаевой) [17, с. 9; 20]. По нашему мнению, обе точки зрения, касающиеся падежных показателей, являются справедливыми. Следует единственно отметить, что они отражают разные периоды развития категории падежа.

Несмотря на то, что падежные показатели и послелогои по своей функции в какой-то степени синонимичны, эта синонимичность не является абсолютной. Более существенно различие между ними. Важным отличием является то, что падежные показатели, как правило, многозначны, в то время как послелогои имеют обычно одно основное значение. Кроме того, послелогои выражают целый ряд оттенков, значений, которые не могут быть переданы падежными показателями. Так, например, в енисейских языках засвидетельствованы временные, объектные, причинные, целевые послелогои, послелогои замещения, сравнения и совместности. Пространственные послелогои, однако, отличаются наименьшей абстракцией, временные послелогои более абстрактны и самые абстрактные из них – послелогои, выражающие логические отношения.

Таким образом, выражая более частные типы отношений, послелогои выполняют роль уточнителей, конкретизаторов этих отношений. И это естественно, поскольку в любом языке, как известно, существует тенденция к совершенствованию языка как средства общения. Язык, таким образом, становится точнее, конкретнее, и не последнюю роль в этом процессе играют послелогои.

Итак, как мы убедились, понятие формы в изучении языка многоаспектно. Мы склонны руководствоваться представлением о форме как о выражении и воплощении мысли. Изучая сущность такой многоплановой грамматической категории как категория падежа, мы принимаем за основу тезис о том, что языковая форма небезразлична к означаемой ею когнитивной структуре, а значит, форма должна рассматриваться как исходный пункт для реконструкции мысли, кодируемой ею.

С другой стороны, направление . от значения к средствам выражения этого значения в языке, которое призвано выявить разновидности и варианты данного значения и связать их с определёнными средствами формального выражения, также должно быть, по нашему мнению, принято во внимание, ибо именно данное направление предопределяет поиск того общего, что есть в изучаемом языке по сравнению с другими. Сочетание разнонаправленных подходов к исследованию категории падежа предопределяется также и сложной природой самой категории падежа.

Список литературы

1. **Бондарко А. В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 3-е изд. М.: УРСС, 2003. 207 с.
2. **Булыгина Т. В., Крылов С. А.** Падеж // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 355-357.
3. **Булыгина Т. В., Крылов С. А.** Форма // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 557-558.
4. **Булыгина Т. В., Крылов С. А.** Функциональная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. **Буренко Л. В.** Выражение пространственных отношений и гипотеза происхождения категории падежа (на материале енисейских языков) // *Euroasian Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). М.: Международный исследовательский институт, 2013. № 4 (32). С. 208-219.
6. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
7. **Володин А. П.** Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.: Наука, 1974. С. 261-291.
8. **Гаджиева Н. А., Ярова Я. Р.** Морфологические особенности имени существительного нитрикского диалекта табасаранского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (85). С. 50-55.
9. **Журавлёв В. К.** Московская фортунатовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 317-318.
10. **Зализняк А. А.** О понимании термина , падеж в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 53-87.
11. **Золотова Г. А.** Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 107-113.
12. **Кацнельсон С. Д.** Категории языка и мышления. М.: Языки славянской культуры, 2001. 800 с.
13. **Кацнельсон С. Д.** Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 297 с.
14. **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление. 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 218 с.
15. **Кибрик А. Е.** Генеративная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 98-99.
16. **Кибрик А. Е.** Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Едиториал УРСС, 2005. 336 с.
17. **Николаева Т. М.** Непарадигматическая лингвистика (история , блуждающих частиц). М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.
18. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
19. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2001. 432 с.
20. **Поленова Г. Т.** Диахроническая типология немецкого номинатива // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1-2. С. 172-180.
21. **Поленова Г. Т.** Происхождение грамматических категорий глагола: на материале енисейских языков. Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического ин-та, 2002. 201 с.
22. **Реформатский А. А.** Введение в языкознание: учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2004. 534 с.

23. **Русская грамматика:** в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
24. **Суник О. П.** Именные основы и окончания в языках тунгусо-маньчжурской группы // Вопросы грамматики: сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 151-167.
25. **Суник О. П.** Существительное в тунгусо-маньчжурских языках (в сравнении с другими алтайскими языками). Л.: Наука, 1982. 247 с.
26. **Терещенко Н. М.** К генезису частей речи (на материале самодийских языков) // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968. С. 292-300.

CASE FORM: CORRELATION OF CASE FLEXIONS, PREPOSITIONS AND POSTPOSITIONS

Burenko Lyudmila Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University
lburenko@yandex.ru

The article reveals the content of the notion "case form". The author pays particular attention to a critical analysis of approaches to this notion. The basis of this work is the postulate that a linguistic form is not indifferent to the cognitive structure that it denotes, and therefore the form should be considered as the starting point for the reconstruction of a thought, encoded by it.

Key words and phrases: category of case; deep and surface structures; case form; preposition; postposition.

УДК 81.161.1

Филологические науки

Проблема варьирования форм именительного и творительного падежей в именном сказуемом рассматривается на материале мало описанных в научной литературе предложений с местоименным словом это в позиции подлежащего. Этот специфический материал позволяет уточнить характер синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым, выявить глубинные синтаксические свойства частей именного сказуемого.

Ключевые слова и фразы: именное сказуемое; местоименное слово *это*; синтаксическая связь между подлежащим и сказуемым; прямое и обратное согласование связки; именительный и творительный предикативный.

Ван Шуан

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
xiaoshuang@yandex.ru

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ ПРИ ПОДЛЕЖАЩЕМ ЭТО©

1. Координация главных членов в двухкомпонентных предложениях, в которых позицию подлежащего занимает местоименное слово *это* (изредка *все это, это все, то*), представляет собой особое явление.

В частности, в этих предложениях глагольная связка может согласоваться как с подлежащим, так и с именной частью сказуемого. Такими возможностями предложения с подлежащим *это* отличаются даже от грамматически однотипных предложений с подлежащим *все*. Ср: *Всё было правда* (связка *было* согласуется с подлежащим), но: *Это была правда* (связка согласуется с именной частью сказуемого).

При общей тенденции к распространению и преобладанию в именном сказуемом творительного падежа при подлежащем *это* существенно преобладает именительный падеж. По нашим наблюдениям, при подлежащем *это* форма именительного предикативного (типа *это был удар, это была правда*) составляет около 89%. Данное положение иллюстрирует следующий пример с регулярной формой творительного падежа при подлежащем-существительном и с формой именительного падежа при подлежащем – местоименном слове *это* в пределах одного сложного предложения:

• Но я понимаю, что если *бы Facebook был страной, это была бы* третья крупнейшая по населению страна в мире (, Facebook – не реальность, а реалити-шоу) [6].

Варьирование формы именительного падежа с формой творительного падежа при разных реализациях сказуемого распространено неравномерно. Примеры с творительным падежом – в зависимости от условий – составляют от 40% до нуля.

Предварительный анализ выявляет в выборе падежной формы именной части сказуемого участие ее собственно морфологических характеристик, таких как часть речи (имя прилагательное или имя существительное), форма числа у имени существительного (единственное или множественное), грамматический род имени существительного (средний род или не средний род); среди существительных мужского и женского рода играет роль также отношение имени существительного к половому признаку (у названий лиц и животных).

Здесь проявляется также роль глагольной связки *быть* в выборе падежной формы имени, при этой роли ее морфологической формы: по-разному распределены именительный и творительный падежи при связке в форме прошедшего времени (точнее, в родоизменяемой форме: *было, было бы*) и в форме будущего времени (*будет*).